

Барух

Минкович (р. 1915)

Приговор: смертная казнь.

(История жизни одного сиониста)

Тель-Авив, 2014.

Перевод Лины Городецкой

Глава третья

По дороге в Эстонию и обратно.

По окончании гимназии передо мной встал вопрос о продолжении дальнейшей учебы. На этом настаивали родители. Отец не имел высшего образования и очень хотел увидеть мои достижения. Он боялся, что я пропущу ближайший год, и потом могут возникнуть новые трудности с поступлением. Я планировал начать учиться в Рижском университете. Но официально мои родители являлись гражданами Польши, и оплата за учебу для иностранцев была очень высокой. Отец в это время не работал, найти работу ему было особенно тяжело из-за невысокого знания латвийского языка.

Мы выяснили, что в Эстонии есть университетский городок Тарту (на русском языке он назывался Юрьев). Он расположен недалеко от Риги – всего шесть часов езды на поезде. Университет этот открыл шведский король Густав Адольф четыреста лет назад. Порядки в нем были вполне либеральные, антисемитизма в кругах руководства и студентов не чувствовалось. На семейном совете было решено, что я попробую поступить туда.

И вскоре я стал студентом юридического факультете этого университета. Были мысли о медицинском факультете. Но среди друзей моих родителей было немало адвокатов, и мне эта профессия была интересна. В личных своих планах я не собирался оставаться жить в Латвии или Эстонии. Будущее свое я видел только в Эрец-Исраэль. А пока надеялся, что во время учебы смогу продолжать свою деятельность в «Бейтаре». Кроме того, я планировал часть курсов изучать дома, в Риге, и одновременно подрабатывать.

Однако, работать мне в этот период не пришлось. Расходы на учебу и проживание в Тарту оказались не столь высокими, и я смог себе позволить уделять время только занятиям.

Еврейского населения в Тарту было относительно мало, но все жили на высоком экономическом уровне. Иногородние еврейские студенты обычно снимали комнаты в семьях местной еврейской общины. Я не стал исключением. В 1934 году я снял скромную комнатку вместе с другом, затем перешел в другую квартиру.

В Эстонии, в отличие от Латвии, от еврейских студентов не требовали одевать черные кипы поверх студенческих шапочек. Эстонские шапочки были разноцветные и их пересекали две полосы. Моя шапочка была золотисто-бело-синей. И мы всегда носили эти шапочки. Однажды в Риге у меня даже состоялась стычка с одним латвийским студентом, который требовал, чтобы я снял ее. Я не снял ее из принципа, но в будущем был более осторожным на рижских улицах.

Члены эстонского ревизионистского общества студентов «Хасмонея», предлагали мне присоединиться к их союзу. Я знал, что Жаботинский почетный член их общества и для меня было естественно продолжить свою деятельность в их кругах. Однако одновременно я получил подобное предложение от другой еврейской молодежной организации, не связанной с сионистским движением. Она называлась «Лимувия». Я присоединился к ним. Основным поводом, побудившим меня к этому, была возможность влияния на среду, далекую от ревизионистов, и попытка присоединить их к этому течению. Мою идею поддержали Элиягу

Глазер, представитель «Бейтара» в Эстонии и Латвии, и Моше Юэльсон, с которым мне повезло в будущем сотрудничать в Тель-Авиве.

«Лимувия» Тарту в 1934/5 г. В красном круге – Барух Минкович.

Были и противники этой идеи, которые утверждали, что потом я не смогу легко покинуть ряды «Лимувии». И многие из движения «Хасмонея» отнеслись к моему решению отрицательно, так как рассчитывали на меня. Но позже я смог доказать, что поступил верно. Многие члены «Лимувии» присоединились к сионистскому движению. Я приглашал на встречи лекторов, представлявших различные политические течения, увлек ребят чтением еженедельника «Еврейское обозрение», который выходил на немецком языке. Вел различные острые дискуссии о сионистском движении. Одно время даже возглавил «Лимувию». Но всю свою агитацию я вел, чтобы обратить внимание на сионизм в целом. Общаясь же с друзьями из «Ученического Гистадрута», мог быть с

ними открытым приверженцем сионистского ревизионизма, в соответствии со своим мировоззрением.

Впрочем, все это время параллельно с деятельностью в «Лимувии» я оставался активистом «Бейтара». В один из дней в Тарту прибыл Арье Лейб Яфе. Бизнесмен, глава «Керен Ха-Йесод», дословно «Учредительный фонд», организации, собирающей пожертвования для Эрец Исраэль. Бейтаровцы собрались, чтобы подготовиться к встрече с ним. Дело в том, что при разделении сертификатов на переезд в Эрец Исраэль явно чувствовалась дискриминация ревизионистов. И молчать об этом было больше нельзя. Я предложил сорвать собрание, чтобы оно хорошо запомнилось Арье-Лейбу, и он смог сделать выводы.

Я сам не участвовал во встрече. Не будучи гражданином Эстонии, я рисковал присутствовать там, потому что эстонские власти могли найти повод выдворить меня из страны. Но моя идея пришлась по душе. Друзья – бейтаровцы пришли с плакатами, требующими равных прав в получении сертификатов. Они были замечены. А собрание, действительно, сорвалось. Позже, члены «Лимувии» обвиняли меня в этом...

С университетскими занятиями не все складывалось гладко... Я чувствовал, что учусь скорее для профессорской «галочки», а не для себя. А мысли крутились в одном направлении, как поскорее оказаться в Эрец-Исраэль. После двух лет учебы ко мне обратился Давид Варгафтиг, представитель «Бейтара» в Прибалтике, и поручил переехать в Таллин, чтобы поддержать там движение «Бейтара», оказавшееся в сложном положении.

Я поначалу отказался. Не чувствовал, что имею право так поступать по отношению к родителям. Они, несмотря на сложное материальное положение, оплачивали мое проживание в Тарту и учебу в университете и с нетерпением ждали ее окончания. Но Давид не хотел слушать мои возражения. «Учиться сможешь и там», - сказал он. И я отправился в Таллин. Родители об этом ничего не знали.

О том, что у ревизионистского движения очень плохое финансовое положение, я слышал, но не предполагал, насколько. Однажды я

вернулся в съемную таллинскую квартиру и обнаружил ее закрытой на замок. Оказалось, что платеж, который осуществлялся через «Бейтар», был просрочен, и хозяева отказали мне. Ночевал я у друга, пока деньги за съем квартиры не были внесены.

Пока я находился в Таллине, все свои энергию и время тратил на поддержку «Бейтара», что не могло не отразиться на учебе. Я, конечно, старался совмещать и заниматься по вечерам, но лекции пропускал. Трёхчасовую дорогу в Тарту невозможно было делать регулярно. Этот семестр закончился тем, что я провалил все экзамены. И лишь когда я все-таки смог уехать из Таллина и вернуться к учебе, пересдал все предметы.

А тем временем, материальное положение моих родителей еще более ухудшилось. Они не жаловались, но я это чувствовал. Мама отказала себе летом в отпуске на море, который раньше позволяла. Это не было положение, которое называется «за чертой бедности», но я понимал, что не вправе жить за счет родителей и решил прервать учебу. Родители всячески сопротивлялись, но решение было принято, и я настоял на своем. После третьего курса я вернулся в Ригу. Стал подрабатывать репетиторством, хотя не любил это занятие. Жил я с мамой, отец вновь работал в Париже.

Рижский «Бейтар» был рад моему возвращению, и я вскоре вошел в его руководство. К этому времени всемирный «Бейтар» стал разветвленной обширной сетью, которая влияла на многие области еврейской жизни. Отдел обороны, например, занимался военной подготовкой молодежи. Сельскохозяйственный отдел посылал ребят на фермы «Бейтара» перед их репатриацией в Эрец-Исраэль. Были также отделы культуры и спорта, отдел по обучению ивриту, отдел координации всех структур. И финансовый отдел, который два раза в год подводил экономические итоги и занимался сбором пожертвований.

Я стоял во главе отдела культуры. Мы организовывали лекции по различным темам. География, история, основы сионизма... Лекторами нашими были люди, стоявшие у истоков рождения «Бейтара». Среди них, Меир Гроссман – правая рука Жаботинского, и Зелик Соскин. Зелик хорошо запомнился мне не

только активной деятельностью в Риге, но и после – в Израиле. Он имел отношение к «наарийской истории». Он боролся против планов включения галилейского города Наария в район, выделяемый под территорию, предназначенную для арабов. Этот город был основан немецкими евреями. А когда Соскин все-таки смог переломить бюрократическую машину, то он послал телеграмму жителям города на немецком языке о том, что Наария остается в наших руках.

Многие лекции вел я сам. В группу, которой я руководил, входило порядка тридцати молодых людей. Носили мы форму «Бейтара» - коричневого цвета, который ассоциировался с цветом земли Израиля. Так было предложено Жаботинским, и цвет этот не поменялся даже после прихода к власти в Германии нацистов, использующих похожую окраску для формы.

Жаботинский в Таллинне. 2.5.1939 г. Слева – П. Кац, 3. Жаботинский, Ш. Каплан

Трудно сегодня выразить наше восхищение Жаботинским. Это смог удачно сделать писатель Михаил Осоргин. В день пятидесятилетия

Жаботинского Осоргин написал, что при всем хорошем отношении к еврейскому народу, он не может простить ему одно - принадлежность к еврейству Зеэва Жаботинского, которого он очень ценит. Во время конгрессов всемирного «Бейтара», которые проводились раз в четыре года, Жаботинский единогласно выбирался его председателем. После его смерти эту должность просто упразднили. Вся система иерархии «Бейтара» была удачно выстроена им и действовала безукоризненно.

Несколько раз мне повезло присутствовать на его лекциях. На страницах этой книги я уже вспоминал о его приезде в Ригу в 1929 году и лекции «Англичане, арабы и мы». Было это сразу после погромов, которые учинили арабы в Эрец Исраэль. Еще как минимум дважды я слушал его выступления в тридцатых годах.

На втором всемирном съезде Бейтара, который проходил в Кракове в 1935 году, Зеэв Жаботинский выступил со своей «Клятвой Бейтару», звучавшей так:

- Я посвящаю свою жизнь возрождению еврейского государства, в котором евреи составляют большинство населения, государства, находящегося на обоих берегах Иордана- на восточном и на западном.
- На пользу строительства этого государства я употреблю все свои способности, всё, что в моих силах, и всё, что в моём доме.
- Язык «Иврит» будет моим языком, языком моих детей как в Эрец-Исраэль, так и в изгнании.
- Я готов приложить свои силы для защиты моего народа и освобождения моей Родины.
- Я буду отстаивать свое достоинство во всех своих мыслях, во всех своих делах, во всех выражениях языка, потому что я- сын царей.
- Я отзовусь на призыв «Бейтара» и для вступления в Легион, и для труда, и после Алии в Цион, и в галуте, и вдалеке, и вблизи.
- Я буду подчиняться законам «Бейтара» и приказам командира, как слушается и подчиняется человек голосу своей совести, потому что

закон «Бейтара» - это эхо моей души, а его командиры - её посланники».

В сентябре 1938 года состоялся третий съезд «Бейтара», и он полностью проходил на иврите, который я, кстати, в это время не знал. Насколько был важен Жаботинскому этот язык, можно понять из следующей истории. Во время беседы Жаботинского с одним из министров Франции, тот спросил, почему Зеэв уделяет такое внимание языку, который почти что исчез, так же как исчез латинский язык. Жаботинский, очевидно, почувствовал, что не сможет объяснить министру ту глубокую связь своего народа с языком Танаха, и просто ответил «Так...». Любопытно, что министр, подумав секунду, сказал: «Я понял. Спасибо...»

Но во время заседания комитетов можно было говорить на других языках. Жаботинский обычно присутствовал на них и внимательно слушал. В центре этого съезда стояла дискуссия между умеренными и крайне настроенными членами движения. Между заместителем «Бейтара» Аароном Пропесом и руководителями ячеек «Эцеля». На том же съезде Жаботинский выслушал требования Менахема Бегина, который считал, что все средства нужно направлять на поддержку борьбы в Эрец Исраэль.

После того, как Бегин высказал свое мнение о позиции ревизионистской партии, которая была основана на политике сионизма, он сказал: «Мир вокруг нас теряет свое совестное отношение» и добавил следующее: «Произошли исторические изменения, и «Бейтар» должен спросить: можно ли с помощью морального давления достичь своей цели. Перед нами третий этап сионизма. После сионизма практического и политического должна наступить военная борьба за наши цели. Слияние политических и военных структур наступит позже. Я хочу, чтобы мы начали формировать наши вооруженные силы и не были зависимы от чужой благосклонности».

Жаботинский вмешался и спросил: «Скажите мне, а как мы введем в Эрец Исраэль воинов «Бейтара» без внешней помощи?» Бегин сразу ответил:

«Я имел в виду, что мы пока находимся перед периодом военного сионизма. Сегодня наша задача – создать военную силу, которая не будет зависима от внешнего отношения к нам. Если у нас будет такая сила, придет также помощь извне».

Бегин предложил изменить четвертый пункт клятвы «Бейтара». И вместо «Буду готовить себя для защиты моего народа и подниму руку только для обороны» записать «Буду готовить себя для защиты моего народа и для завоевания моей родины». Съезд утвердил изменение большинством голосов, и Жаботинский дал на это свое согласие. Однако резко высказался по поводу тона Бегина, в котором сквозило некоторое отчаяние. Свою речь он начал притчей: «Три вида звука ненавистны слуху человека. Первый, скрип телег рано утром, но нужно принять его с пониманием. Телеги развозят хлеб и молоко людям. Также неприятны звуки станков и поездов на рельсах, но они тоже приносят пользу обществу. Но есть один бесполезный скрип, который действительно невозможно терпеть. Это скрип двери на петлях».

Затем он обратился к Бегину:

«Ваша речь, г-н Бегин, началась вот с такого скрипа. И последнее: если вы, г-н Бегин, не верите в совесть мира, у вас нет выбора, кроме как идти к глубокой реке Висле ...»

Нужно отметить, что «Бейтар» Эстонии и Латвии оставался верен своему руководителю во все времена. А в «Клятву Бейтару» все-таки были внесены изменения, предложенные Бегиним.

В начале 1939 года, после третьего съезда, Жаботинский приехал в Латвию. Его приезд был связан со сложностями получения въездной визы, которые помог решить Мордехай Дубин.

Поезд прибыл на станцию ранним утром. Транспорт в это время еще не работал, и мы отправились встречать гостя пешком. Запаслись букетом цветов. Сперва из вагона вышел его помощник Биньямин Лубоцкий и представитель «Бейтара» в Эстонии и Латвии Давид Варгафтиг. Они извинились и сказали, что Жаботинский скоро выйдет из купе, он бреется. Мы знали, что руководитель «Бейтара» – педант и очень следит за своим внешним видом.

Еще мне хорошо запомнилось, что кто-то из помощников подошел к Жаботинскому и прошептал на ухо, что за ним установлена слежка. На что тот посмотрел по сторонам и спросил: «Неужели здесь тоже как в Советской России?» В это время на территории Латвии уже начали располагаться советские войска, сухопутные и морские, но официально Латвия была самостоятельной государственной единицей.

И в этот раз общение с Жаботинским и его лекции были необыкновенно интересными. Хотелось слушать его бесконечно, и в зале стояла абсолютная тишина. Он с удовольствием отвечал на вопросы, подчас – нелегкие. В частности, Жаботинского спросили о его отношениях с Меиром Гроссманом и Элияу Голомбом во время их встречи в Лондоне. Голомб в свое время был ярким противником решения Жаботинского выйти из движения сионистского «Гистадрута». Он организовал фракцию «Партия государства иврита», которая осталась при этом движении. А Голомб – командир обороны «Хаганы» был против действий «Эцеля» в Эрец-Исраэль. И Гроссман и Голомб доставили немало проблем «Бейтару»

Жаботинский ответил так: «Для вас Гроссман – это синоним раздора, который начался на конференции в Катовице. Для меня Гроссман – человек, который помог организовать еврейский батальон и привлек для нашей поддержки немало средств. Для вас Голомб – человек партии «Мапай», с которой у нас противостояние, но когда я встречаюсь с ним в Лондоне, то вижу перед собой воина еврейского батальона Элияу Голомба...»

Это рижская встреча стала моей последней встречей с главой «Бейтара». Вскоре его не стало. Было Зееву Жаботинскому только 59 лет...